

ГЛАВА III

НОВАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ГОСПОДСТВО ИДЕАЛА ВСЕОБЩЕГО СОГЛАСИЯ

«ОСТАВЬТЕ ДРУГ ДРУГУ ВРАЖДЫ И ТЯГОТЫ СВОИ»

Катастрофические результаты господства в обществе авторитарного идеала сделали его дискомфортным в глазах значительной части людей. Это неизбежно стимулировало новую инверсию, т. е. стремление перейти к противоположному идеалу. Однако накопленное культурное богатство может стать тормозом для резкого инверсионного перехода, создать условия для вялой инверсии, которая позволяет создавать критический барьер на пути инверсии, инерции истории. Новый идеал формировался под влиянием негативного опыта как авторитаризма, так и соборного идеала, которые оба не создали основу для предотвращения катастрофической дезинтеграции общества. Это послужило мощным стимулом для возвращения к древнему вечевому идеалу, где все элементы находились (по крайней мере в идеале) в гармоничном согласии. Однако возврат к классическому синкретизму был невозможен. Поэтому в действительности речь могла идти о формировании нового порядка из вычлененных элементов вечевого идеала.

Новый идеал, который можно назвать *ранним идеалом всеобщего согласия*, гармонично соединил разные слои общества. Он нес идею, что долг народа — подчиниться воле царя, долг царя — прислушаться к голосу земли. С. Платонов считал, что политика первого после Смуты царя Михаила Федоровича, «руководствовалась общественной серединой»¹. Эта ориентация получала вполне конкретное воплощение. «Поражаешься тем

¹ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. СПб., 1899. С. 147.

вниманием и благосклонностью, с которым по крайней мере в первую половину XVII столетия встречали их челобитные верховная власть и правительство... Из 100 первых всеуездных земских челобитных, попавших нам под руку среди бумаг устюжской и новгородской четвертей, отказано было по 3, удовлетворено 76...»². Это свидетельствовало о стремлении верхов к гармонии, в которой должна осуществляться Правда. Идеал получил обоснование у келаря Троице-Сергиевской лавры Авраамия Палицына (ум. 1627). Защиту от бедствий самовластья он видел в союзе государя, «царского синклита» и «всего воинства» с опорой на «всенародное множество всех чинов», т. е. на Земский собор. Дьяк Иван Тимофеев (ум. около 1631) писал, что «истинный царь лишь природный и вместе с тем избранный», избирать можно лишь «природного царя». Согласно мысли Ивана Тимофеева, несмотря на то, что Борис Годунова допустили к «помазанию» «все люди земли», что решение собора было согласно воле народа («чадь малая»), он не был природным царем, не имел Божьей санкции. Повиноваться же следует законным царям, которые придерживаются «повеления данных Богом». В новом идеале парадоксально уживалась соборная идея выборности царя с авторитарным принципом природой данного. Тем самым создавалась предпосылка некоего «третьего» в организационных формах, снимающих крайности. Любопытно, как понимал Иван Тимофеев существо общественных организаций: городские советы, объединение их, совет «всей земли», «малое совокупление», «многолюдное собрание», «вселенский собор» — он пытался распространить новый идеал на все этажи общества. Весь идеал был пронизан пафосом соединения некоего естественного или божественного установления с определенными формами активности, социальной ответственности людей.

Новый идеал овладевал обществом медленно, как бы клиньями врезаясь в отдельные его сферы, формируясь в борьбе против слабющего авторитаризма. Он был продуктом массового творчества, активизировавшегося в кризисной ситуации смуты.

Формирующийся государственный аппарат объединил древние общинные институты и бюрократию. Уложение 1649 года отразило существование в сфере местного управления бюрократической власти воевод и одновременно показало, что низовой аппарат «использовал институты и обычаи, свойственные общинному строю»³. Однако наиболее ярким воплощением

² Богословский М. М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. М., 1912. Т. 2. С. 100-101.

³ Маньков А. Г. Уложение 1649 года. Л., 1980. С. 254.

нового идеала был Земский собор. Его возникновение следует признать одним из наиболее важных социокультурных новшеств в истории страны. Имеется историческое свидетельство о созыве собора еще в 1211 году. Следующий Земский собор, так называемый Собор примирения, состоялся в 1549 году в начале упадка раннего авторитаризма. Иван IV «заповедал своим боярам, приказным людям и кормленщикам» помириться «со всеми хрестьянами». Царь увещевал: «Молю вас, оставьте друг другу вражды и тяготы свои... Я сам буду вам судья и оборона, буду неправды разорять и хищения возвращать». Об этом соборе В. Ключевский писал: «Представляется каким-то небывалым в европейской истории актом всенародного покаяния царя и боярского правительства в их политических грехах»⁴. Правящая элита решила на серьезную самокритику во имя установления всеобщего согласия, что можно рассматривать как появление элементов нового идеала еще в условиях господства авторитарного.

Существуют различные точки зрения на Земский собор. Он толковался как сословное совещание, переросшее в сословное представительство. В нем видели орган, связующий власть с народом и передающий народу волю верхов. По Ключевскому, земские соборы «являются совместными совещаниями Боярской думы, т. е. центрального правительства, с людьми столничных классов, служивших ему ближайшими ответственными органами...»⁵. Тот факт, что в земских соборах видели и орган правящей элиты, и народное представительство, говорит об особой промежуточной их роли как канала коммуникации между правящей элитой и населением, института, обеспечивающего единство. Земские соборы «в какой-то мере заменили княжеские съезды и вместе с думой унаследовали их политическую роль. В то же время земские соборы — это орган, пришедший на смену вечу...»⁶. В 1611 году Земский собор принял документ, который определял его значение как постоянного верховного государственного органа с законодательными и исполнительными прерогативами. Соборы собирались не только царем, но и в его отсутствие. Строгих правил формирования их состава не существовало. Например, до середины XVI века в соборе важно было участие представителей тех или иных областей государства, что расценивалось как представительство «земли». Норма выборов могла не определяться, и выбиралось «по колку человек пригоже». Численное

⁴ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. 2. С. 376.

⁵ Там же. С. 390.

⁶ Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 67.

соотношение разных групп, очевидно, играло значительно меньшую роль, чем престиж участников собора. Своих выборных посылали дворяне и посадские люди. На соборе могли участвовать, кроме духовенства, боярства и дворянства, также дьячество и купечество. В грамоте 1613 года говорилось об участии «казаков и стрельцов», а также имелось туманное упоминание о «всяких уездных людях». Крестьянство в соборе практически не участвовало. В 1613 году из 700 участников было двое крестьян. Присутствие крестьян отмечалось на соборе 1682 года. Поглощенность крестьян локальными интересами мешала этому количественно самому мощному слою участвовать в решении государственных дел. Земский собор не терял свой статус, несмотря на то, что его представительный состав мог резко сужаться. Он мог состоять из представителей одной Москвы. В глазах современников это ничего не меняло, так как Москва всегда «указывала всем городам», тогда как другие города никогда «не указывали». Впрочем, не все были с этим согласны.

Принятие решений собором, как и древним вечем, определялось непосредственным столкновением престижей его участников. В соборе могли иметь место стычки и насилие. В ряде случаев выборная часть побеждала бояр, например, на соборе 1681-1682 годов.

СЛАБОСТЬ СОСЛОВИЙ — СЛАБОСТЬ СРЕДИННОЙ КУЛЬТУРЫ

О росте значения земских соборов свидетельствовало то обстоятельство, что в процессе разложения авторитаризма после смерти Ивана IV наследственная монархия сменилась избирательной. Были избраны или утверждены собором цари Борис, Василий Шуйский, Михаил Федорович, Петр I, Иван V и, вероятно, цари Федор Иоаннович и Алексей Михайлович. Исключительная важность того, что земские соборы стали организационным воплощением нового господствующего нравственного идеала, заключается в том, что они стремились уйти от господства инверсионного типа изменений. *Существование земских соборов говорит о том, что был сделан важный шаг в развитии срединной культуры, создана ее определенная организационная форма, форма ограниченного диалога народа и власти, диалога сословий, соотношения разнообразия общества и его единства, целостности.*

Развитие нового идеала могло происходить лишь на основе роста сословности, этого важнейшего проявления, формы реализации срединной культуры на пути общества от

первобытности. Точка зрения, что сословия — результат экономического разделения труда или политики правительства, выражает лишь отдельные аспекты проблемы. Развитие сословий — важнейшая сторона усложнения общества, дифференциации не только экономических, но и всех функций воспроизводства общества, включая государственное строительство. Возникновение государства требовало расчленения синкретизма общества на сословия управляющих и управляемых, интеграции разнообразия функций воспроизводства большого общества. Всякое значимое несоответствие между ростом государства и ростом сословий — свидетельство возрастания социокультурного противоречия между требующим все большей дифференциации государством и недоразвитостью сословий, что обозначало неопределенность синкретизма. Ориентация правящей элиты на государственное строительство постоянно опережала рост сословности. Это заставляло высшую власть постоянно способствовать росту сословий, с тем чтобы ослабить социокультурное противоречие между субкультурой государственности и организационными возможностями государства. Такая политика не результат чьей-либо корысти, но следствие мучительных, подчас драматических поисков социального слоя, порождающего людей и отношения, необходимые для воспроизводства большого общества в целом. Государство развивалось, стимулируя необходимые сословия, прежде всего помещиков, способных стать организующим звеном общества для мобилизации военной силы, финансовых средств, закрепления «жидкого элемента». Эти задачи могли решаться, лишь если значимая часть населения осознавала необходимость особого служилого сословия, готова была нести соответствующее бремя для защиты общества от внешних сил, для сохранения порядка.

Развитие сословий создавало предпосылки для создания форм государственной организации, противостоящей инверсионным формам изменений. Развитие сословий шло в направлении *формирования социальных предпосылок для возникновения особого промежуточного идеала спонтанного всеобщего согласия*, для противостояния манихейской практике абсолютизации инверсионных скачков. Возможность для этого увеличилась в результате того, что обратная инверсия вновь приобрела вялый характер, открывая путь некоторому синтезу полярностей. Уложение 1649 года законодательно закрепляло существование сословий, затрудняло переход из одного сословия в другое.

В России развитие сословий не дошло до завершённого состояния, до ясного осознания общности собственных инте-

ресов. Если на Западе внутрисословные интересы были сильнее местных, то в России дело обстояло наоборот. В стране «не было ни земских сословий, ни гражданства, ни дворянского сословия» и поэтому «не было сословных представительств»⁷. Поэтому *следует отказаться от представлений о существовании в стране сословно-представительной монархии. Это означало, что страна еще не прошла весь путь преодоления архаичного синкретизма*, когда специфические группы перестают осознавать себя через некоторую сакральную точку в обществе, но осознают собственную самостоятельную самоценность.

СИЛА И СЛАБОСТЬ ЦАРСКОЙ МОНОПОЛИИ

Преобладание в стране древних синкретических ценностей, согласно которым личность видела смысл своего существования, лишь растворяясь в некотором целом, партиципируя к первому лицу, неизбежно приводило к тому, что государство зависело от способности людей приобщаться к нему как к тотему. Государству не оставалось ничего другого, как имитировать порядок, исторически сложившийся в древних локальных мирах, в патриархальной семье, с неизбежными интерпретационными поправками. Важнейшей предпосылкой решения этой задачи было превращение всех условий и средств воспроизводства в сферу власти государства. При оценке этого процесса его часто модернизируют, рассматривают по аналогии с отношениями, сложившимися в обществе развитых рыночных отношений, интерпретируют как право собственности, как охраняемое законом право владеть, уничтожать, продавать, передавать разными способами другим собственникам, свободно распоряжаться ею. Собственность как таковая возможна, когда собственник вещи может быть легально изменен, причем этот процесс передачи собственности субъекту должен иметь некоторый хозяйственный смысл. Имущество крестьянского двора, государства лишь весьма условно может быть названо собственностью. Это была по сути дела *не собственность, а монополия*, т. е. неотчуждаемое в рамках установленного порядка условие, средство деятельности, некоторое неотъемлемое вещное продолжение субъекта, без которого воспроизводственная деятельность невозможна. Монополия незыблема и меняется лишь в результате конфликта, нарушения порядка, обычая, закона. Значение этой монополии в том,

⁷ Торке Х.-Й. Так называемые земские соборы в России// Вопросы истории. 1991. № 11. С. 3, 5.

что, будучи одновременно элементом культуры, она несет в себе определенную программу воспроизводственной деятельности, а именно: люди, эксплуатирующие монополизированные государством условия и средства, в процессе своей деятельности производят культурные программы деятельности статичного общества. Даже окружающая местность, выступающая как условие воспроизводственной деятельности, образа жизни, может интерпретироваться в представлениях оппозиции «тотем — антитотем», как сфера сложных поляризованных ценностей, дифференцированной деятельности во всех формах. Топор не просто средство для тех или иных целей, но реальный и фиксированный в природном, обработанном человеком материале носитель и возбудитель многих программ — строительства дома, колки дров и т. д.

Очевидно, охрана этих программ — жизненно важный вопрос для всех типов обществ, которые нацелены на статичные формы общественного воспроизводства, она необходима для сохранения исторически достигнутого уровня эффективности воспроизводства, так как инновации имеют больше шансов снизить эффективность, чем повысить ее. Сохранение культурного богатства является залогом сохранения достигнутого уровня и образа жизни. Отсюда полная невозможность для члена патриархальной семьи в рамках этого порядка изъять и продать общее имущество, превратить монопольное владение всей семьи в сферу бесконтрольного распоряжения того или иного ее члена. Общность нацелена на сохранение монополии на вещные условия — независимо от того, идет ли речь о малой группе (например, семье) или об обществе в целом. Главы сообществ, включая царя, не могут реализовывать этот порядок, чрезмерно увеличивая долю личного произвола в своих решениях. В условиях тоталитаризма, когда имеет место нарушение авторитарного порядка, фактически происходит отказ от некоторых важных принципов традиционализма ввиду доведения до крайности других его принципов. Поэтому укрепление государственности в условиях господства традиционного сообщества, при отсутствии достаточно продвинутых механизмов иного типа воспроизводства, неизбежно должно сопровождаться смещением монополии на условия и средства воспроизводства вверх, т. е. к высшему центру управления, к первому лицу.

Земля стала собственностью («отчиной») царя в XV-XVI веках. Монопольная власть царя стала распространяться почти на все производство, что имело место в XVI и XVII веках. «Издав серию указов по конкретным промыслам, монархия ввела на них царскую монополию и таким образом устранила

угрозу конкуренции со стороны частных лиц... Точно так же, как он ранее сделался крупнейшим землевладельцем страны и, де-юре, собственником всех поместий, царь стал теперь единственным собственником всех отраслей промышленности и шахт (как де-юре, так и де-факто), монополистом во всех областях коммерции, не считая самых мелких». Правители считали монополию на производство богатств страны естественным дополнением самодержавия. «Монархия прочно контролировала торговлю, а о промышленности же можно сказать, что она находилась в исключительной собственности самодержавия». Местный капитал не мог развивать технологически современное по европейским масштабам производство. Поэтому иностранцам «русская промышленность была обязана своим подъемом, находилась под попечительством монархии, финансировалась совместно царским и иностранным капиталом и управлялась иноземными специалистами. Они работали исключительно на монархию, которой продавали по себестоимости ту часть своей продукции, в которой она испытывала нужду, а прибыль получали от продажи излишков на свободном рынке». Даже «предприятия, созданные частично или полностью частным капиталом, не были частной собственностью в строгом смысле слова, ибо правительство могло в любой момент отобрать их у „собственников"»⁸.

Важно иметь в виду, что крупная предпринимательская промышленность в XVII веке возникла в вотчинном хозяйстве как монополия вотчинника, и в значительно меньшей степени в городе. В основе этого производства лежали крепостнические отношения. В XVI веке возникали «государевы», т. е. казенные, предприятия, производством на которых обычно руководили иностранные мастера. Подавляющая же часть потребностей страны удовлетворялась домашней переработкой продуктов в самой вотчине или домашней крестьянской промышленностью и сельским ремеслом⁹.

Напрашивается важный вывод. Производство на разных уровнях (на крестьянском, вотчинном, на уровне центральной власти) развивалось на основе крепостничества, на основе требований традиционализма сохранять в максимально неизменном состоянии сложившиеся отношения. В большом обществе это обеспечивалось высшей властью, ее подавляющим контролем и неограниченным правом вмешательства в производство. Хотя все уровни были едины и необходимы,

⁸ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. Кембридж (Масс), 1980. С. 257-260, 278.

⁹ *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. М., 1947. Т. 1. С. 318, 319, 322.

монополия на производство была предметом трений, конфликтов между этими уровнями, борьбы за ее перераспределение. На разных этапах перевес в этой борьбе мог склоняться в ту или иную сторону.

В этой борьбе выявилось важное обстоятельство. Государство испытывало серьезные затруднения, пытаясь целиком подчинить себе производство, что объяснялось прежде всего слабостью аппарата, невозможностью привлечь и содержать достаточное количество чиновников для этой цели. Монополия первого лица на собственность далеко не всегда проводилась последовательно. В стремлении эксплуатировать свою хозяйственную монополию царь опирался на служилое сословие, наиболее богатых купцов, иноземцев, которые вовлекались в казенную службу. «У монархии не хватало управителей для руководства ее торговой деятельностью и разбросанными по всей империи промыслами, такими, как солеварение и рыболовство. Поэтому она часто отдавала свои монопольные предприятия в пользование частным лицам на условиях, что те будут ежегодно выплачивать казне определенную сумму из полученной прибыли»¹⁰. В середине XVII века высший слой состоявших на государственной службе деловых людей назывался «гостями» и насчитывал около тридцати человек. Они были не самостоятельными предпринимателями, но доверенными людьми царя. По сути, это были высшие хозяйственные чиновники и одновременно субъекты монополий на определенные виды хозяйственной деятельности, пресекающие всякую «неуказанную торговлю».

Очевидно, сложившийся порядок хозяйственного управления носил двойственный, расколотый характер. С одной стороны, монополия высшей власти на условия и средства производства означала закрепощение труда, бюрократическую регламентацию образа жизни во всех формах на всех уровнях; с другой — неспособность центральной власти в полной мере обеспечить монополию открывала какие-то неясные возможности для развития частной инициативы, для иного типа воспроизводства, для развития реальной собственности.

«ЕСТЬ ГРАМОТА — ВОЕВОДА И ГОЛОВ БИТЬ И ГРАБИТЬ»

Постепенно, однако, выявилась внутренняя слабость господствующего раннего идеала всеобщего согласия. Кон-

¹⁰ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. С. 257.

фликты оказались сильнее, чем культурная основа всеобщего согласия. Общество не выработало механизма, способствующего углублению интеграции в процессе разрешения противоречий. Государственность вообще, и в особенности государственность, опирающаяся на институты типа Земского собора, не могла бы возникнуть и существовать без единой культуры, пронизывающей и объединяющей специфические субкультуры общества. Выявилось, однако, что конфликты привели к распаду этого идеала между субкультурами, сложившимися в локальных мирах, в мирах среднего уровня, на уровне общества в целом.

Общество отвечало на рост конфликтов возвратом каждого из специфических сообществ к своим исторически сложившимся ценностям, что размывало господствующий идеал, обнаруживая слабость синтеза. Земский собор, как и вся страна, не был подготовлен к разрешению конфликтов путем компромиссов и диалога. Авторитарное давление, с одной стороны, и сопротивление локальных миров этому давлению — с другой, подрывало идеал, его организационные формы. Например, растущие государственные налоги вызывали недовольство населения, что заставило правящую элиту пойти по пути совершенствования порядка налогообложения, ввести в этих целях институт воевод. Воеводы назначались разрядным приказом, ведавшим личным составом служилых людей, утверждались царем и боярской думой. В XVI веке воеводы существовали только в некоторых пограничных городах. Согласно одной разрядной росписи, при царях Федоре и Борисе «воевод не было». Однако в 1614 году они правили в 103 городах с уездами. В 1616 году таких городов было уже 138, а в 1625 году — 146. Полномочия воевод были значительно шире функций наместников до земской реформы 1555-1556 годов. В эти полномочия входили охрана собственности, борьба с укрывательством беглых, охрана порядка, надзор над судом губных и земских старост, городовые и дорожные дела. Они осуществляли административно-полицейский надзор за личной жизнью населения, выполняли важные финансовые функции, финансовый контроль и надзор за деятельностью выборных властей и прежде всего — за сбором налогов. Широки были также и военно-административные полномочия воевод.

Все это не означало ликвидации идеала всеобщего согласия, система выборных должностей не отменялась. Идея согласия переносилась в сферу местного управления, так как предполагалось согласие выборных и воеводы. Власть пыталась спасти господствующий идеал, борясь со злоупотреблениями и насилием на местах. В челобитных говорилось: «Люди бьют челом

на бояр и всяких чинов людей в насильстве и в обидах, чтоб их пожаловать велети от сильных оборонить». Правительство учредило особый приказ, который принимал бы жалобы от тех, кто «на сильных бьют челом». Создавалась система защиты миров от воевод. Надзор над деятельностью воевод при том, что на местах власть воевод не отменяла выборных органов, должен был оградить выборные миры от злоупотреблений, закрепить какие-то формы согласия на местах. Однако идея эта не получила организационного воплощения. Ни верхи, ни низы не стремились к совершенствованию организационных форм в среднем звене. Идеал всеобщего согласия разваливался. Практически не существовало органа, который мог бы эффективно снимать противоречия между мирами и воеводами. Стремление миров оградить свои интересы, а власти — свои было сильнее ценностей согласия. Каждая из сторон боролась за свою Правду, принимая ее за всеобщую. Начало тридцатых годов XVII века, еще при царе Михаиле Федоровиче, можно рассматривать как начало разложения промежуточного идеала.

Правящая элита в этих условиях обнаруживала тяготение к авторитарным идеалам как средству борьбы с «мирским самовольством». Хотя воеводам запрещалось, как сказано в Уложении 1649 года, вмешиваться в губные дела (уголовное судопроизводство), в действительности губные старосты попали сначала под надзор, а затем — в подчинение воеводам. В случае конфликтов равновесие неизбежно нарушалось. Это вызывало отпор снизу. В 1632—1634 годах в стране существенно возросло количество следственных дел по политическим обвинениям. Крепло сопротивление воеводам, которое подчас возглавляли местные выборные. По стране прокатилась волна городских восстаний. 1648 год отмечен восстаниями в Москве, Воронеже, Сольвычегодске, Устюге Великом, Чердыни, Рузе, Томске и др.¹¹ Власть на время утратила контроль над событиями. Имели место восстания в 1650-1662 годах и, наконец, восстание под руководством Степана Разина. Все это свидетельствовало о развале господствующего идеала.

Истинная трагедия господствующего идеала заключается в том, что из-за разрывающих общество конфликтов деструктивные процессы шли быстрее, чем углубление влияния нового идеала. Народ не слишком заботился о защите и развитии среднего звена, включая и земские соборы.

Важным элементом механизма распада господствующего идеала является то, что можно назвать *двойственным отношением народа к власти*, т. е. способность расценивать власть

¹¹ См. подробнее: *Чистякова Е. В.* Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975.

как воплощение Правды и инверсионным образом переходить к ее оценке как воплощения кривды. Обе эти оценки сосуществуют как амбивалентные. Они касаются разных сторон, форм деятельности власти. Например, внешняя политика может расцениваться как воплощение Правды, а внутренняя, некоторые ее стороны, как воплощение кривды. Обе оценки могут существовать одновременно, относясь к разным этапам власти (например, царь воплощает Правду, чиновники — «крапивное семя»). Крайне важно, что это отношение к начальству, имеющее массовый характер, несовместимо с сословностью власти. В борьбе за уравнительность силы синкретизма могут использовать косу манихейства, чтобы срезать все, что лежит выше приемлемого уровня разнообразия, т. е. уничтожить сословность.

С одной стороны, «без начальства нельзя», поскольку самовластие несет анархию и разложение, с другой стороны, начальство есть зло. Во время восстаний в народе периодически возникало стремление к поголовному истреблению начальства. Промежуточный слой власти плохо вписывался в патриархальное массовое сознание. Беглый холоп Феодосий Косой (середина XVI века) выразил эту точку зрения словами: «Не подобает же в христианах властем быти», один есть «наставник Христос»¹².

Народ возлагал вину за тяготы, исходящие от государства, непосредственно на чиновников. Население испытывало жгучую ненависть к приказным и боярам: «Царь хочет, бояре не дают». Древнее языческое сознание не отделяет зла от его носителя: камень, о который человек ушибся, воспринимается как сознательный носитель зла. В массовом сознании утвердилось стремление полностью уничтожить ненавистное алчное начальство, помеху единению народа с «батюшкой-царем». В этой связи интересны городские восстания середины XVII века, антибоярские, но не антицаристские по своему характеру. Именно к царю обращаются восставшие за защитой от бояр и дьяков.

Активизация синкретического массового сознания выражалась, например, в слухах, враждебных начальству. Слухи эти, подобно другим мифам, материализовались в массовых акциях, грамотах, в появлении самозванцев, в новых формах власти. Так, в Воронеже распространялась грамота, в отношении которой один из допрашиваемых показывал: «Есть грамота — воевод и голов бить и грабить». Летом 1641 года накануне Земского собора по Москве поползла «мирская молва», что

¹² Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. М., 1977. С. 14 (см. также: Послание многословное: Сочинение инока Зиновия. М., 1963. С. 114).

«боярам от земли быть побитым». Вновь, как во времена Болотникова, поднялась антибоярская стихия, угрожавшая истреблением также и чиновникам, всему начальству. Разинцы, стремясь «выводить мирских кровопивцев», истребляли бояр, дворян, стрелецких начальников, приказных. Документы свидетельствуют: «Во всех городах и местах воевод и приказных людей побили и в воду пометали»¹³. Разин велел «в Руси выводить начальных людей и (на)ушников»¹⁴. Согласно одному из документов, «помесных де людей, дворян и детей боярских и мурз, и татар, за которыми крестьяне есть, рубят и лошадей берут». «...Город Алатарь выжгли весь, а воеводу... и дворян, которые в том городе были, всех порубили без остатку... Дворян и детей боярских и жен их, и детей и их людей и крестьян многих порубили и села, и деревни, и дома их пожгли и разорили без остатку»¹⁵. Расправы с начальными людьми отличались большой жестокостью, не щадили и детей их. Советский историк А. Н. Сахаров пишет: «И чем суровее и изощреннее С. Разин организовывал расправу над ненавистными народу воеводами, стрелецкими начальниками, дворянами, тем больше симпатий завоевывал он у своих сторонников»¹⁶. Нельзя не отметить постоянного зверства восставших: казни пленных, убийства посланцев противной стороны, ограбление и разрушение городов, массовое избиение их жителей и т. д. Это не могло быть объяснено даже стремлением к грабежам. Очевидно, причина лежала в полном неприятии государственной жизни, которая язычески не отделялась от ее прямых и косвенных носителей. Они истребляли не людей, а мировое зло, обернувшееся людьми. Начальство как зло отождествлялось с богачами, а Правда — с бедными. Идеал крестьян ясно проявлялся в жизни районов, захваченных восставшими. Власть в них принадлежала самоуправляющимся общинам, действующим по старым вечаевым принципам, т. е. идеалом крестьян была земля, освобожденная от воевод и бояр, т. е. от государства.

Двойственное отношение народа к власти привело к парадоксальному сочетанию приверженности к реальному царю и борьбы с ним. Вера в царя не мешала борьбе с царскими войсками, мотивированной тем, что они посланы боярами. Царские грамоты не принимались и объявлялись поддельными.

¹³ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1962. Т. 3. С. 87.

¹⁴ Там же. М., 1959. Т. 2. Ч. 2. С. 20-21.

¹⁵ Там же. М., 1957. Т. 2. Ч. 1. С. 69, 71-72.

¹⁶ Сахаров А. Н. Степан Разин — предводитель крестьянской войны// Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: Проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 161.

Восставшие настаивали на своей верности царю. Разин говорил о своем желании послужить «великому государю». Приговоренный к смертной казни, он надеялся на то, что он перед царем «изустно защитит дело свое»¹⁷. В своей речи на круге Разин противопоставлял царя боярам, призывал «итти в Русь против государевых неприятелей и изменников, чтоб им из Московского государства вывесть изменников бояр и думных людей и в городах воевод и приказных людей»¹⁸.

Двойственное отношение к власти также подвержено инверсии. Например, возможен переход от отождествления царя с Правдой к отождествлению реального царя с начальством, с нецарем. Имеется несколько свидетельств о слухах периода 1633-1643 годов о том, что «царь подменный». Правящая элита понимала опасность этих мифов и страшилась их. Например, в период разинского восстания специально созданным выборным людям демонстрировали место захоронения царевича Алексея. При царе Василии Шуйском по Москве оглашалась царская грамота, обвинявшая Лжедмитрия в самозванстве. Останки сына Ивана IV, малолетнего Дмитрия, привезли в Москву. Сам он был причислен к лику святых. Но попытки идеологической борьбы оказались малоэффективны, и легенда об истинном царе Дмитрие держалась несколько десятилетий. Двойственное отношение к власти означало постоянную возможность инверсии. С одной стороны, государство — это воплощение Правды царя, и, следовательно, само существование локального мира, личности зависит от способности раствориться в нем, приобщиться к нему даже ценой жертв. Но, с другой стороны, оно — воплощение коварной и злой кривды, подлежащей истреблению, подлежащей замене. Отсюда *колебания от крайности послушания к крайности разрушительного бунта*.

При разрозненности бунтовщиков и их страхе перед собственным бунтом достаточно сильная правящая элита получает возможность укреплять государственную систему, следуя по стопам бунта, выступая как инверсия этого бунта, используя жажду порядка на неостывшем пепелище разгульного праздника. Отсутствие реальной конструктивной альтернативы приводит к саморазрушению восстания. Это объясняет, почему многочисленные бунты не сокрушили власть. *Сам разгром бунта выступал не только как результат внешнего насилия, но и как превращение бунта в свою противоположность*,

¹⁷ Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С. 113.

¹⁸ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1954. Т. 1. С. 235.

т. е. как согласие людей на определенное насилие над собой со стороны власти.

«БОГ ИСПРАЗДНИТ ВСЯКО НАЧАЛЬСТВО
И ВСЯКУ ВЛАСТЬ И СИЛУ»

Особенно важны в этой связи события, связанные с церковным расколом. Наступление авторитаризма неизбежно потребовало унификации официальной идеологии, уменьшения необходимого разнообразия локальных миров. Этой цели была подчинена церковная реформа.

Ответом был взрыв несогласия с церковной реформой, выразившийся в стремлении держаться старой веры, старообрядчества, староверия. А. Робинсон пишет об образовании в «движении раскола дуалистической идеологии (борьбы „Христа" и „Антихриста", „правды" и „кривды", „благочестия" и „греха"), окрашенной эсхатологическими размышлениями о надвигающемся „конце света" и „Страшном суде"»¹⁹. Староверие было одним из множества средневековых манихейских движений широких народных масс, выступавших против усложнения форм большого общества, против сословного общества и основанной на нем государственности.

Главный идеолог староверия протопоп Аввакум (1621—1682) видел мир как извечную борьбу бесовского хаоса с «делом божьим». А. Демин показал, что Аввакум, изображая свою жизнь как наполненную непрерывными мучениями до предела, тем самым «возвещает, как строиться» в державе, т. е. его муки лишь пример для общей картины. Мир изображается как неистовство злых сил. Разъяренные «никониане» тесно окружают Аввакума. Они напоминают ему разбойников, сгрудившихся в церкви. Никонианин «что бешеная собака бросается на человека — тово», «коли взбесился, не унять тебя», «что волки, с сердца — тово в клочья изорвут». В ответ на этот безумный бесовский шабаш зла Аввакум готов применить самые крайние средства: «А бы их... всех перепластал во един день», «перерезал бы... всех, что собак», «как бы мне мочь... всех бы еретиков тех... ножом переколол», «всех вас развешаю по дубю»²⁰. Манихейское сознание не склонно выполнять христианский завет любви к своим врагам. Все люди, о которых пишет Аввакум, четко делились на друзей и врагов. В его

¹⁹ Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 374.

²⁰ Демин А. С. Русская литература второй половины XVII — начала XVIII века. М., 1977. С. 124, 137, 138, 65, 64.

«Житии» добро и зло почти равномерно чередуются. Однако если образы зла, «чужой земли» даются чрезвычайно ярко, то позитивный идеал выглядит весьма туманно. Он заключается в некоторых общих представлениях о справедливом государстве, о замкнутом братстве «верных», о райском блаженстве.

Было бы, однако, неверно думать, что все эти формы манихейского языка были характерны лишь для староверов. Они были типичны для всего общества. Например, патриарх Никон, обращаясь к князю Н. Одоевскому, главе Уложенной комиссии, говорил: «Ты, князь Никита, новый закон написал советом Антихриста, учителя твоего». Бросается в глаза многоплановость у староверов модификаций манихейства, которые в конечном итоге затрагивали все важнейшие стороны жизни общества.

Манихейство было очень удобно для борьбы с государством и церковью. Эту традицию развивал украинец Стефан Зизаний, который указал на папу римского как на Антихриста. Теперь в качестве такой модификации выступают царь и патриарх, вся власть. Аввакум надеялся, что Бог «испразднит всяко начальство и всяку власть и силу». Последователь Аввакума диакон Федор прямо отождествлял патриарха и царя с Антихристами. Кузьма Косой, кузнец из Ельца, проповедовал на Дону войну против Антихриста и его слуг — царя, патриарха, бояр, очищение земли от этой нечисти и разрушение их столицы Москвы, призывал казацкий меч с помощью небесных сил уничтожить антихристов мир.

Одновременно староверы разрабатывали и иную модификацию манихейства, которая была заострена против иных культурных влияний, против иных религий. Староверы были убеждены, что царь и патриарх ввели веру, пропитанную «лютеранской, кальвинской и папской ересями», т. е. манихейство приняло форму борьбы различных христианских конфессий. Еще одна модификация была связана с верой, что антихрист имеет еврейское происхождение, что антихрист — сын погибели, «зачат от блуда еврейской женщины от колена Данова». В «Кирилловой книге», послужившей одной из основ для создания староверами теории Антихриста, говорилось, что дьявол «от жидов приведет беззаконно человека, волхва, еретика и отметника чародея». Вместе с тем манихейство староверов исходило из извечной борьбы России с Западом. Зло рассматривалось как имеющее чисто западное происхождение.

Интересно, что сам облик никониан воспринимался как нерусский. Например, Никита Пустосвят называет патриарха «странным иноземцем». Никонианство рассматривается как «чужая земля». Аввакум называл своих противников «немцы

русские». «Ох, ох, бедная Русь! Чего-то тебе захотелось немецких поступков и обычаев?»

Манихейство создавало основу для рассмотрения общества как поля извечной борьбы богатых и бедных. Манихейское деление общества по Аввакуму на «слуг антихристовых», «никониан» и «верных», «христиан» в принципе совпадало с делением на богатых и бедных. Насилие — естественная форма отношений между манихейскими оппозициями. Интересно также, что представление о зле у староверов включает также определенные элементы утилитаризма, стремление к земным благам, которое символизируется туго набитым «чревом», свидетельствующим о суетной жизни. «Утроба» стала олицетворением порока, отказа от истинной веры. Об одном из своих идейных противников Аввакум писал: «Тот не живал духовно — блином все торговал да оладьями, да как учинился попиком, так по боярски двory блюда лизать научился, не видел и не знал духовного того житья». Богатство бесцельно и греховно, оно обременяет человека и делается ненужным после смерти. Зато аскетизм и даже самосожжение есть очищение от скверны.

Зло по существу занимает в верованиях староверов центральное место. Оно выступает в разных, свободно переходящих друг в друга формах. Но носителями всех этих форм зла в конечном итоге являются определенные группы людей — начальство, никониане, лютеране и т. д. Так что манихейство становится мощной убойной социальной силой, сортирующей людей на своих и оборотней зла, на людей и нелюдей, на тех, кому следует жить, и тех, кого следует «ножом переколоть», «развешать по дубю». *Манихейская натуралистическая концепция зла разрушительна для общества, она коренным образом расходится с христианством, отделяющим грех, зло от человека. Это массовое стихийное манихейство, идущее из глубины веков, не было преодолено монистическим по своей сути христианством.*

Синкретическое сознание не задавалось вопросом о мотивах действий этого зла, о том, почему кривда должна постоянно пакостить стране. Творить зло есть естественное свойство кривды, такое же, как стремление человека есть и спать. Интересно отметить, что фольклор вообще не указывает на мотивы своих персонажей. Например, «действия змея и очень многих других вредителей сказок ничем не мотивируются. Конечно, и змей похищает царевну по известным мотивам (для насильственного супружества или чтобы ее пожрать), но сказка об этом умалчивает. Есть основание думать, что сказке

вообще не свойственны мотивировки»²¹. Зло не требует объяснения. Оно изначально, субстанциально. В этом заключается важнейший элемент манихейства.

Староверие явилось важнейшим компонентом в антигосударственном движении, несло в себе идеал воли и праведной жизни прежних времен. Его влияние можно проследить на целом ряде восстаний — разинском, пугачевском, булавинском, соловецком (1668-1676), московском (1682), донском (1688—1689), астраханском (1705-1706). Староверие заняло важнейшее место в борьбе против государства. В движении староверов значительная часть народа активно противостояла разрушительным для народной жизни действиям власти, показала себя способной отстаивать собственные духовные ценности. Она ответила на попытки правящей элиты вмешиваться в их духовную жизнь мощной активизацией антимедиации, т. е. стремлением отвергнуть достижения срединной культуры, медицины.

Борьба против государственности не сводилась к частностям, речь шла не только о том, чтобы «усов и бород не брить и немецкое платье не носить», она была направлена на то, чтобы «за веру и за Правду постоять» (Астраханское восстание). Иначе говоря, дело было в глобальном конфликте по поводу всего строя жизни, основополагающих ценностей.

Протоиерей Шмеман квалифицировал старообрядчество как «уход из истории», как уход в «апокалиптический испуг и утопию», «неспособность к трезвости и самопроверке»²². Здесь схвачен инверсионный характер староверия. Староверие как синкретическая реакция, действительно, есть попытка ухода из истории, если под историей понимать поступательное движение общества к новым, более сложным творческим формам. Церковный раскол был симптомом раскола общества. Д. Мережковский (1866-1941) писал: «А ведь русский народ расщепился, раскололся великим расколом». Он определил раскол как революцию во имя реакции. «Раскол, соединившись с казацкой вольницей, пугачевщиной, есть революция, черный террор»²³.

Староверие времен церковного раскола можно рассматривать как своеобразную энциклопедию модификаций манихейства, необходимых для борьбы со срединной культурой, с большим обществом, с прогрессом, с сословностью и основанной на ней властью, с социальным разнообразием, противостоящим уравнительности.

²¹ Пронн В. Я. Морфология сказки. М., 1969. С. 69.

²² Вестник русского христианского движения. 1976. № 117.

²³ Мережковский Д. С. Статьи и исследования разных лет. М., 1991. С. 67.

Манихейство способно превратить любые эмпирические различия (между народом и властью, бедными и богатыми, между этническими группами, религиозными течениями и т. д.) в смертоносный и бескомпромиссный конфликт. Манихейство может стать нравственной основой активности масс, направленной против любых раздражающих, нарушающих древний идеал различий.

Массовое двойственное отношение к власти — мощный фактор ее дезорганизации. Это — постоянная мина, заложенная в основание государственности. Манихейство выступает в России на рассматриваемом этапе как фактор, превращающий скрытую культурную возможность отрицания государства в активную массовую силу. Обычно восстания, протесты в литературе рассматриваются как ответ на насилие, чинимое властью, экономическую эксплуатацию. Однако при этом в тени остается самое главное. В любом обществе могут иметь место факты, вызывающие недовольство, гнев и т. д. Суть дела в том, каким образом те или иные группы на них реагируют. В принципе на любые безобразия в обществе можно реагировать расширением своей ответственности за общество, за государство, стремлением внести изменения, которые поставили бы под контроль причины явлений, опасных для общества, вызывающих недовольство. Это снизило бы социокультурное противоречие между исторически сложившейся культурой, ценностями и системой социальных отношений, между массовым сознанием и государственностью. Такой подход способен предотвратить конфликты, разрушающие общее согласие, остановить обострение борьбы типов конструктивной напряженности в разных сообществах, борьбу локализма и сил интеграции, ограничить конфликты полюсов нравственного идеала, наносящие ущерб способности их взаимопроникновения. Этот путь требует конструктивного отношения к организации, культуре и ценностям общества. Возможна, однако, и иная реакция, т. е. эмоциональный взрыв, стремящийся уничтожить не причины зла, о которых люди могут ничего не знать, а те группы, которые в соответствии с манихейскими представлениями рассматриваются как оборотни, носители зла, якобы творящие зло по своей природе.

Манихейское представление о зле, которое приобретает самые различные и исключают друг друга формы, явилось мощной силой борьбы с новшествами, включая реальное государство. Однако эта сила не несла в себе какой бы то ни было версии решения медиационной задачи, создания государства, большого сообщества, какой-то реальной программы, позволяющей уменьшить дезорганизацию до безопасной величины.

Манихейство, став духовным оружием в борьбе против опасных дезорганизирующих действий власти, само могло противопоставить этому лишь иную форму дезорганизации.

Возникновение идеала всеобщего согласия, создание соответствующих организационных форм само по себе было важнейшим событием истории России. Оно открывало путь для преодоления манихейства, господства инверсионной логики, способствовало развитию государства, которое принимало бы решения на основе учета разнообразия мнений, ценностей, обстоятельств, на основе необходимости интеграции, концентрации творческой энергии в интересах большого общества. Само существование в истории такого господствующего идеала показывает, что Н. Бердяев ошибался, когда утверждал, что в России «нет дара создания средней культуры»²⁴. Такой дар был, но слишком слабый. В стране не хватало культурных сил для закрепления успеха. Господство идеала всеобщего согласия скрывало не только борьбу авторитарной и соборной версий массового сознания, но и борьбу с феодализацией, с усилением среднего уровня общества. Конфликты активизировали локальные силы, что постепенно подрывало господствующий идеал в результате как антигосударственного нажима снизу, так и стремления власти устранить двоевластие местных миров и государственной администрации авторитарным путем. Реальность стала восприниматься как нарастающий дискомфортный хаос, что свидетельствовало об опасности перехода социальной энтропии, дезорганизации через порог необратимого движения к катастрофе. Это вызвало к жизни новую массовую инверсию. Феодализация встретила сопротивление как дофеодалных низов, склонных замыкаться в своих локальных мирах, так и высшей власти, стремившейся выйти из кризиса путем укрепления центральной власти, распространения крепостничества на все уровни общества. Эти противоположные тенденции с разных сторон размывали всеобщее согласие.

²⁴ Бердяев Н. А. Судьба России, м., 1990. С. 31.